

наш
XX
век

ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

ПРОКОФЬЕВ

О ВРЕМЕНИ, СТРАНЕ И О СЕБЕ
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ МГК КПСС
ВСПОМИНАЕТ

Наш XX век

Юрий Прокофьев

**О времени, стране и о
себе. Первый секретарь
МГК КПСС вспоминает**

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

Прокофьев Ю. А.

О времени, стране и о себе. Первый секретарь МГК КПСС
вспоминает / Ю. А. Прокофьев — «Центрполиграф»,
2021 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07921-3

Эта книга – одна из попыток автора содействовать воссоединению поколений российских людей, восстановлению связи времен. Это рассказ о времени надежд и тревог, об иллюзиях и разочарованиях очевидца и участника событий, порой загадочных и страшных. В центре внимания автора события, связанные с образованием ГКЧП, которые он рассматривает как политический спектакль, спланированный для того, чтобы подорвать партию, разрушить военно-промышленный комплекс и ослабить в значительной степени армию и правоохранительные органы. В дополняющих книгу статьях, интервью и выступлениях автор дает оценку событиям до и после «лихих 90-х», делает выводы, анализирует, размышляет о судьбах страны. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-07921-3

© Прокофьев Ю. А., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

К читателю	6
Харакири не ожидается	7
Родом из Измайлова	11
Секрет вечной молодости	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юрий Анатольевич Прокофьев

О времени, стране и о себе

Первый секретарь МГК КПСС вспоминает

*Моей жене Тамаре,
с которой вот уже 60 лет идем по жизни, посвящается*

*Сколько бы ни пришлось жить на свете, никогда не перестаешь
удивляться России. Нет в мире страны более неожиданной и
противоречивой.*

Константин Паустовский

К читателю

Сегодня стало модным чернить прошлое. Видимо, потому, что в нынешней российской жизни особо хвалиться нечем. Находятся ловкачи, пытающиеся переписать историю.

Получается так, что у нас вроде и нет прошлого. Все будто началось с «колбасной революции» 1991 года. Даже Вторую мировую войну вроде бы выиграли без нас американцы и англичане. Ничего у нас нет за спиной. Пустота. Порвалась связь времен.

К сожалению, мы всегда предпочитали разрушать и начинать заново. Приезжаешь, к примеру, во Францию, и показывают тебе в деревне постройки XV–XVI веков. К ним добавляют, пристраивают. Или другой пример: на одной площади города стоит памятник Наполеону, на другой – недалеко – Робеспьеру. Это история. Там все время происходит наращивание к существующим материальной и культурной базам.

Мне кажется, преимущество европейских государств перед нами заключается не только в том, что там хорошие дороги и меньше дураков, но и в том, что они бережно относятся к своему прошлому и учатся на своих ошибках, стараясь их не повторять.

В России страшные войны, пожары разрушали все. Сколько горела, например, Москва! А сколько мы разрушили сами! Пели: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...» Сейчас тоже идем по пути разрушения того, что было создано в течение XX века народами Советского Союза и чем могли бы гордиться грядущие поколения.

Разрушается не только экономика, но и культура, наша память, наша история. Делается это сознательно, чтобы на Руси остались одни Иваны, не помнящие родства.

Сейчас, как никогда, назрела необходимость соединить поколения российских людей, восстановить связь времен. Мои воспоминания – одна из попыток содействовать этому воссоединению.

Я расскажу о времени, в котором я жил, – времени надежд и тревог, о своей стране, где я родился и вырос, а также об иллюзиях и разочарованиях, об ощущениях очевидца и участника событий, порой загадочных и страшных.

Я не придерживаюсь взгляда людей, считающих, что «история учит тому, что ничему не учит». Надо хорошо знать свое прошлое, чтобы правильно оценивать настоящее и видеть будущее.

Хочу надеяться, что моя книга поможет в этом ее читателю.

Харакири не ожидается

Было это через год после событий девяносто первого. Один историк, очень вежливый и очень настойчивый, просил меня о встрече. Хотел, чтобы я рассказал: испугался ли, когда стал безработным, не собирался ли паче чаяния наложить на себя руки? Ведь было мне в ту пору пятьдесят с лишним лет.

Я отказался от встречи. Время для таких бесед тогда еще не созрело. Да и поймут ли там, в Стране восходящего солнца (историк был японцем), нашу российскую грусть? Он изучал жизнь самураев и, как выяснилось, хотел сравнить поведение в критических ситуациях самураев и функционеров КПСС после запрета Коммунистической партии.

Моменту, когда я очутился не у дел, предшествовали столь грандиозные события, происходившие в стране, что мое собственное положение не представлялось чрезмерно драматичным.

Правда, тот прошедший год не был для меня безмятежным: бесконечные допросы, обыски дома и в рабочем кабинете, необходимость информировать обо всех моих выездах из Москвы.

Но вот я свободен... Сняты все обвинения и обязательства. Новые знакомые спрашивают осторожно: «Так это вы – последний секретарь?» – «Да, я. Последний первый секретарь Московского горкома партии».

В слове «последний» есть что-то мистическое: последний император, последний из моги-кан, последний из удэге. Кстати, как там кончается один из фадеевских романов? Кажется: «Надо было жить дальше и выполнять свои служебные обязанности». А вот обязанностей у меня не стало, и службы нет.

Помыкался я недолго. В феврале 1992 года меня пригласили в акционерное общество «Инновационная компания „Панорама“», и я стал ее вице-президентом.

Тогда только начиналась «игра в президенты», которая продолжается по сию пору: куда ни кинь – всюду президенты. Полно их и в регионах с населением не более одного московского микрорайона, многочисленные президенты возглавляют и крошечные компании со штатом в полтора десятка человек. Должность «президент» и «вице-президент» придает человеку значительность в глазах обывателя.

Наше акционерное общество состояло в основном из «бывших». Нельзя сказать, что мы вершили великие дела и ворочали большими капиталами. Начало нашей деятельности положил кредит Банка РФ в сто тысяч рублей. На эти деньги особо не разгуляешься.

Размещались мы на территории трамвайного депо им. И. В. Русакова – в бывшем общежитии трамвайщиков. Прежних обитателей отселили, поскольку помещение не соответствовало санитарным нормам. Но нас все устраивало. Я вспоминаю то время с большой теплотой.

Коллектив был дружный, идей полно, желание работать огромное. В мои функции входили разработка программ, реализация проектов, расчет необходимых средств и экономической эффективности, подбор исполнителей.

Сколько всевозможных проектов мы рассмотрели! Не менее полусотни. Остановились на трех. Первый проект назывался так: «Переработка твердых материалов (в первую очередь металлов), зараженных радиоактивными нуклидами». Это была попытка решить проблему радиоактивных отходов! Был построен в городе Сосновый Бор под Санкт-Петербургом опытный комплекс переработки металла, зараженного радиоактивными нуклидами. Провели переплавку металла с третьего и второго контуров Балаковской и Чернобыльской АЭС. Комиссия Госатомнадзора дала положительное заключение – радиация отсутствовала.

Мы отлили из этого металла бокалы, наполнили их (не водой, конечно), чокнулись и отметили 1 Мая 1993 года и нашу победу. А дальше как в старинном романсе: «Боже, какими

мы были наивными»... Начались бесконечные хождения в Росатомэнерго, Минатом, в НИИ к будущему «атомному» министру Адамову (потом он ратовал за ввоз в Россию радиоактивных отходов!). Ответ всюду был один: нет денег, территорий для свалки зараженного металла пока хватает, приходите лет эдак через семь – десять. Пришлось, чтоб погасить расходы, продать этот мини-металлургический завод в Эстонию для переплавки металлолома.

Был и второй проект с несколько прозаическим названием: «Производство лекарственных препаратов от диареи у скота». Что такое диарея, известно: понос. Но мало кто знает, сколько телят в России погибает от этой самой диареи.

Производство нами медикаментов было налажено на заводе, ранее производившем бактериологическое оружие. Но продать лекарство удалось только в Белоруссию. В России же сельское хозяйство находилось в большом упадке, скот погибал, но даже минимальных денег на лекарство не было.

Судьба третьего проекта – «Передача информации по телевизионным каналам, не мешая изображению» – оказалась более счастливой. Впоследствии эта уникальная, нигде ранее не применявшаяся технология вошла в стандарты как технология «ТВ-Информ».

Рыночные отношения требовали широкой, надежной и доступной сети телекоммуникаций. Россия в этом плане значительно отставала от Западной Европы, а у государственных ведомств не хватало средств на аренду не только спутниковых, но и просто телефонных каналов.

В чем суть проекта? Телевизионный сигнал по своей природе избыточен, он, кроме видеоряда и звукового сопровождения, может нести дополнительную информацию. Надо только научиться в него ее «замешивать» так, чтобы она не мешала изображению. Мы сделали это!

Сколько людей нам помогало, ученых, разработчиков! Потом многие из них стали владельцами патентов на технологию передачи данных по телевизионным каналам «ТВ-Информ». И еще: мы, надеюсь, доказали «демократам», мэнээсам и завлабам, что партийные работники кое-что стоят и не в своем номенклатурном кресле.

После получения необходимых документов в октябре 1992 года было создано акционерное общество «ТВ-Информ». Я стал его генеральным директором. Вначале у нас было около 150 пользователей, большую часть которых составляли учебные заведения, разбросанные по всей России от Калининграда до Камчатки. После событий сентября— октября 1993 года были назначены выборы в Государственную думу. Времени оставалось мало – выборы должны состояться в декабре. Связисты попали в сложную ситуацию. И тогда министр связи В. Б. Булгак предложил Центризбиркому технологию «ТВ-Информ».

9 ноября был заключен договор с Центризбиркомом, и через две недели по всей России в 225 избирательных округах стояла наша аппаратура. Работали день и ночь. Люди приезжали к нам из регионов, и мы обучали их обращению с аппаратурой. В день проходило по 40–50 человек.

Последним было установлено оборудование в Москве в Университетском округе. С задачей мы справились успешно, и это стало лучшей рекламой для технологии «ТВ-Информ».

Одно из преимуществ нашей технологии – оперативность. Мы могли передавать информацию одновременно неограниченному числу абонентов. Поэтому нашими клиентами стали некоторые силовые структуры. Более десяти лет мы передавали в регионы информацию Главного информационного центра МВД России. Аппаратура «ТВ-Информ» была установлена в управлениях внутренних дел и на федеральных контрольно-пропускных пунктах в Чеченской Республике. Устанавливалась она нашими сотрудниками вместе с офицерами ГИЦ МВД иногда и под обстрелом.

Применяли эту аппаратуру министерства внутренних дел Киргизии, Армении, Азербайджана.

С первого года формирования налоговая полиция РФ была обустроена системой связи «ТВ-Информ». С налоговиками пришлось повозиться, так как региональные подразделения первоначально комплектовались людьми, впоследствии получившими название «маски-шоу»: они виртуозно владели всеми видами оружия, а не компьютерами.

Впоследствии эта сеть связи перешла к Госнаркоконтролю. Активно использовал технологию «ТВ-Информ» Росгидромет для передачи сводок и метеокарт. Не забыли мы и образование. Так, Министерство образования Хабаровского края передавало в Москву по спутнику свою информацию, а мы ее – во все отдаленные поселки и сельские школы края.

Так что сидите вы, читатель, у телевизора, смотрите свои любимые программы, а в это время незаметно для глаз идет информация об угнанных автомобилях, похищенных и пропавших людях, оружии; передаются метеосводки, учебные пособия и методические разработки для школ, указания по борьбе с распространением наркотиков, другая информация.

Мы не стояли на месте. Со временем вместо громоздких ящиков появились изящные платы, вставляемые в компьютеры. Применялись и другие достижения электроники и телевидения. В 2000 году группе разработчиков технологии и аппаратуры «ТВ-Информ», организаторам сетей передачи данных, в том числе и мне, была присуждена Государственная премия Российской Федерации в области науки и техники.

Более семи лет вместе со мной работал мой сын Дмитрий, кандидат экономических наук, ранее трудившийся на крупнейшем предприятии электронной промышленности СССР. Он привлек к разработкам молодых специалистов – электронщиков и программистов Зеленограда, что в немалой степени способствовало применению при разработке нового поколения аппаратуры «ТВ-Информ» последних достижений как отечественной, так и зарубежной науки.

Стремясь не отставать от технического прогресса, сотрудники «ТВ-Информ» разработали программно-аппаратные комплексы, позволяющие передавать информацию в цифровом телевизионном потоке.

Работали мы в хорошо известном москвичам здании на Большой Полянке, замечательной улице любимой моей Москвы. А сколько мы боролись за него! И мэрия на него претендовала, и МВД. Но мы не были наивными, находили ходы-выходы, судились-рядились...

Этот дом был построен в 1901 году как Учительский институт Его Императорского Величества. Кто только не размещался в нем за прошедшее столетие! И женская гимназия, и всеобщая общеобразовательная школа, и штаб противовоздушной обороны Москвы в годы Великой Отечественной войны, и райисполком и райком партии, и Московский университет марксизма-ленинизма – будущий Московский политический институт, в котором прошли подготовку многие депутаты последнего съезда Советов.

Незадолго до событий августа 1991 года на его базе был создан «Культурный центр на Большой Полянке» – организация с участием иностранного капитала.

Я так подробно рассказываю об этом здании, потому что люди, которые в нем работали, сыграли значительную роль в моей жизни.

Здесь я познакомился с легендой не только нашей, но и мировой разведки Юрием Ивановичем Дроздовым, одиннадцать лет возглавлявшим нелегальную разведку КГБ СССР, бывшим нашим резидентом в Германии, США, Китае, руководившим штурмом дворца Амина в Афганистане.

Человек высочайшей эрудиции, Юрий Иванович Дроздов руководил Независимым аналитическим агентством. Материалы агентства отличались отсутствием какой-либо ангажированности, они беспристрастны (за исключением вопросов национальной безопасности и национальных интересов России). Они ложились на стол целого ряда государственных и политических деятелей России. Знакомство с ними позволяло мне быть в курсе всех значимых событий в нашей стране и за рубежом, прогнозировать ход их развития.

Дом на Большой Полянке вообще уникален. В наше сложное время он, как магнит, притягивал к себе истинных патриотов. В их числе и митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (в миру – Константин Владимирович Нечаев). Все, кто общался с ним, ощущали влияние его незаурядной личности. Мало кто знает, что он, почти восьмидесятилетний человек, с группой суворовцев повторил путь Александра Васильевича Суворова через Альпы.

У нас он появился не случайно. Спецслужбы и армия считали владыку Питирима своим духовником, его влияние в их среде как государственника и патриота было значительно.

В доме на Большой Полянке в свое время располагались афганцы Руслана Аушева. Здесь активно работала Ассоциация ветеранов «Вымпел-Союз», которую возглавлял последний командир спецподразделения КГБ СССР «Вымпел» генерал Борис Петрович Бесков, а также Общероссийская общественная организация РОСПО (Российская организация сотрудников правоохранительных органов). На Большой Полянке находилась и редакция журнала «Плацдарм», в котором я возглавлял его редакционный совет. Основная тема журнала – вопросы национальной безопасности во всех ее аспектах: экономическом, информационном, культурном, демографическом, оборонном и других. Главный редактор журнала Леонид Александрович Герасин одновременно возглавлял Исполком РОСПО. В состав редколлегии входили такие замечательные люди, как историк профессор Анатолий Филиппович Смирнов, народный артист СССР Василий Лановой, певец и композитор, любимец спецслужб Михаил Ножкин. В 2003 году наши ряды пополнились вице-президентом Академии геополитических проблем генерал-полковником Леонидом Григорьевичем Ивашовым, не только аналитиком и политическим деятелем, но и прекрасным поэтом.

* * *

Мысль написать непредвзято о прошлом возникла у меня давно. Думал, это надо сделать по свежим следам, пока еще душа сохраняет эмоции того времени. Но поток мемуарной литературы, обрушившийся на читателей после 1991 года, остановил меня. Уж очень она была далека от правды, слишком насыщена стремлением обелить себя и очернить других.

В воспоминаниях таких авторов я предстаю по-разному. Чего стоит, например, вранье Гавриила Попова в его так называемых исторических хрониках (видимо, Шекспир навеял)! В этом сочинении я выгляжу неким inferнальным персонажем. Прямо Ричард III, только не хромым и не горбатым. По его версии, всякий разговор по телефону с руководством мэрии я всегда заканчивал словами: «Вы об этом пожалеете. И очень скоро». Передергивать Г. Х. Попов всегда умел. Мастер!

Зачастую писали люди, которые не были непосредственными участниками событий и, как правило, искажали их суть.

Я понял также, что без исследования достаточно широкой полосы жизни нашего общества, анализа прошлой деятельности Коммунистической партии трудно объективно оценить события конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, разобраться в них.

Волей судьбы я был в гуще событий хрущевской «оттепели», работал в комсомоле, находился на ответственной и руководящей партийной работе самого различного уровня – от райкома партии до Политбюро ЦК КПСС. У меня есть знания и опыт, которого нет у нынешнего поколения, и я готов поделиться этим с молодыми.

Возвращение к прошлому предохраняет нас от повторения ошибок. Помня о прошлом, политик думает о настоящем и будущем.

Итак, поговорим о прошлом...

Родом из Измайлова

Моя престарелая тетушка пыталась составить генеалогическое древо Прокофьевых. Но работа эта не была завершена, и поэтому я могу рассказать лишь о тех, кого помню, о ком мне рассказали – о своих дедушках и бабушках, отце, матери и сестрах.

Мой дед по отцовской линии Федор Викторович Прокофьев был из крестьян Тульской губернии. Он работал машинистом на Курской железной дороге и за безупречную службу даже имел благодарность. Когда у него стали болеть ноги (а тогда требования к здоровью машиниста были такими же, как сейчас к летчикам), он вынужден был перейти на работу в железнодорожные мастерские на станции Тула. Там, при станции, в деревянном бараке жила его большая семья – из восьми детей выжили три сына и три дочери.

Бабушка Евгения Николаевна Прокофьева (в девичестве Панфилова) рано овдовела (дедушка умер в 1916 году, бабушка пережила его на тридцать лет), но она сделала все, чтобы все шестеро детей смогли получить образование.

Происходила она из семьи иконописца, была человеком глубоко верующим. Характер у нее был жесткий, и до конца жизни она крепко держала всю семью в своих руках. А в доме жило тогда человек тридцать: три сестры, три брата, и у каждого семья, у каждого дети. Помню, отцу было уже 47 лет, а его старшему брату почти 50, но они слушались ее беспрекословно. Отец и в партию не вступил из-за своей матери, которая по религиозным мотивам была категорически против этого. Но вот никому из внуков своей веры не навязывала.

Мне она запомнилось как очень строгий, честный и доброжелательный человек. Бабушка готовила меня к школе, да и потом вместе со мной «проходила» кое-какие предметы, помогала.

Отец мой Анатолий Федорович Прокофьев до революции учился в реальном училище, но не смог его закончить, так как после смерти отца вынужден был пойти работать на тульскую электростанцию дежурным электриком. В 1922 году его по комсомольской путевке направили учиться в Москву в Институт народного хозяйства им. Плеханова, закончил строительный факультет. Здесь, в Москве, он и встретился с моей мамой Ниной Алексеевной.

Родителей моей мамы я совсем не помню – был еще мал. Они тяжело болели и умерли в эвакуации во время войны. По рассказам мамы знаю, что дед Алексей Васильевич Ширинский – коренной волжанин из мещан. Он работал счетоводом на хлопчатобумажной фабрике в рабочем поселке Банячки недалеко от Кинешмы. Бабушка Алина Карловна (в девичестве Польш) – прибалтийская немка. Она родилась в Вильнюсе, знала немецкий язык и приехала в Кинешму работать гувернанткой в семье владельца той фабрики, на которой работал мой дед. Здесь они встретились и поженились.

Моя мать появилась на свет в этом поселке, хотя записано, что она родилась в Кинешме.

Семья у них тоже была большая: два сына и две дочери. Только один дядя умер до войны. Остальные дожили здесь, в Москве, до 80-х годов. Мама окончила школу и работала секретарем-машинисткой на меховой фабрике в Измайлове.

Познакомились вначале сыновья Прокофьевых и Ширинских, потом сестры. Получились две интересные пары: папа и мама, а брат моей мамы женился на сестре моего отца. Как бы дважды породнились.

В 1926 году один из братьев моего отца получил участок земли в Измайлове под строительство дома. Общими усилиями три брата и три сестры – мои дяди, тети и отец – построили деревянный дом, и в нем они все поселились.

Со временем дядья переженились, а сестры вышли замуж. Разрастался и дом: обстраивался самодельными пристройками, терраски обивались досками и утеплялись, превращаясь в комнаты. Все полы в доме были почему-то с уклоном в 10 градусов, и по ним нужно было

не ходить, а скользить. В конце концов, с годами дом стал представлять собой довольно живописное зрелище. В 1974 году его снесли.

У меня три сестры. Старшая, Ирина, – пенсионерка, живет в Москве. Средняя, Лидия, вышла замуж за венгра и живет у него на родине. Преподавала в Дебреценском университете русский язык. Младшая сестра, Таня, живет в Тушине. Она доктор экономических наук. Когда-то работала в институте Госплана СССР, потом в НИИ Главмосавтотранса.

Во время войны на старшую сестру легли нелегкие заботы о хозяйстве и воспитание двух младших сестер, поэтому только она не получила высшего образования. Мы же все трое окончили вузы и имеем ученые степени.

Отец, как инженер-строитель, много ездил по стране, а с ним и его семья. Потому я и родился на острове в Аральском море, куда в очередную командировку направили служить моего отца. Официальным местом моего рождения является город Муйнак Каракалпакской АССР.

Весной 1941 года стояла страшная жара, и на семейном совете было решено вывезти детей в Москву, поближе к прохладным кущам Измайловского парка.

Мне не было и трех лет, когда 22 июня 1941 года поезд, где находилось и наше семейство – мама с детьми, – был остановлен, не доезжая Москвы, в Раменском, и мы узнали, что началась война.

Мы поселились в доме в Измайлове, однако задержаться здесь на этот раз не пришлось: фронт стремительно приближался к Москве, и мы снова вынуждены были сорваться с места, на сей раз – в эвакуацию, сначала в Уфу, затем в Тавду и Ташкент.

Отец первые два года войны служил в наших войсках в Иране. Там он тяжело заболел среднеазиатской желтухой, да и туберкулез, перенесенный в юности, давал себя знать. После этого он долго болел и в 1947 году был комиссован в звании майора.

Жили мы материально очень трудно. Мама много болела, отец – тоже. Все это – война, болезни, большая семья и невысокое звание отца – отразилось на материальном положении семьи. После войны отец служил в Черновцах, и я помню, как мать плакала, что не может накормить детей: на всех четверых ребят – несколько початков кукурузы, а сестренка просила дать «хоть одну барабуленку».

Позже отец покреп, стал работать строителем в системе Министерства пищевой промышленности и тоже часто ездил в командировки. При его непосредственном участии построены заводы по производству сгущенного молока и мясокомбинаты в Белоруссии, Армении, Литве, Чувашии.

В Москве он участвовал в строительстве Останкинского мясоперерабатывающего завода. Работал под непосредственным руководством Анастаса Ивановича Микояна. Потом вышел на пенсию.

Отец умер в 1981 году, на двадцать лет пережив маму...

...После возвращения из эвакуации, в 1946 году, мы вновь поселились в измайловском доме.

При доме был хороший сад. Там сажали также картошку, выращивали овощи, посадили несколько яблонь. В голодные послевоенные годы дары огорода были существенной добавкой к столу. По мере улучшения жизни цветы стали вытеснять овощи.

Обычно на лето все родственники съезжались в Измайлово и селились в сарайчиках на участке. По пятьдесят человек, бывало, размещалось на этом пятачке. Жили дружно. Если летом случались праздники, то вытаскивали во двор столы и стулья и отмечали их все вместе...

Чем в ту пору было для меня Измайлово? Позволю себе перефразировать известный монолог про театр: знаете ли вы, что такое Измайловский парк? Это перелески, рощицы, буйство сирени и черемухи по весне, нарциссы под дождем, ворох желтых листьев осенью, незрелые сморщенные помидоры на подоконнике. Это запорошенные снегом дома, стайки лыжников в разноцветных костюмах, дети, съезжающие с горок на санках, владельцы собак, важно прогуливающие своих питомцев по аллеям и дорожкам. И одновременно – возможность на метро или – в пору моей юности – на 3-м автобусе довольно быстро очутиться в самом центре Москвы.

В нашей семье у каждого из детей были свои обязанности: кто-то занимался уборкой, кто-то готовкой. Я должен был ходить по магазинам. И уже в первом классе меня посылали за хлебом, а потом обязанностей становилось все больше и больше. Зимой я заготавливал дрова – у нас было печное отопление. Поначалу доверяли носить чурки, а подросток – пилил и колол.

В дом к нам всегда приходило много ребятни. Родители никогда не пресекали, а, наоборот, поощряли наше общение с друзьями, относились к ним терпеливо. Ко мне, например, очень часто приходили ребята по пять-шесть человек готовить уроки. И не только в теплые месяцы, но и зимой. К сестрам тоже приходили компании, так что дом всегда был полон молодежи. Чувство коллективизма, выполнение разных обязанностей по дому воспитывали самостоятельность, а это помогало в дальнейшем пробивать дорогу в жизни без помощи «мохнатых лап».

...Желанным подарком всегда были книги. Любовь к ним сохранилась и поныне. У меня в библиотеке около трех тысяч книг. Больше всего люблю прозу. Я воспитан на Паустовском, Джеке Лондоне, Александре Грине. Из поэтов люблю Пушкина, Есенина, Маяковского, Константина Симонова.

В семье у нас своей библиотеки не было. Мы всю жизнь переезжали с места на место, и возить с собой книги и во время войны, и после не представлялось возможным. Небольшую библиотеку собрала жена брата моего отца. Тетушка, по существу, этой библиотекой заведовала, а поскольку мы жили в одном доме, книгами пользовались все. Она очень хорошо с детьми работала. Когда кто-либо из нас или наших друзей брал книгу, тетя обязательно спрашивала, что понравилось, а что не понравилось, проверяя, таким образом, насколько книжка прочитана. Подсказывала, какую литературу лучше выбрать. Библиотека по нынешним меркам была небольшая – всего два шкафа. Когда немцы подходили к Москве, часть книг, наиболее ценных для семьи, закопали, поэтому книги сохранились.

Свою библиотеку в основном я создавал сам. Но в ней есть и книги, которые дарили мне родители, покупали сестры. Потом они вышли замуж, разлетелись из родного гнезда, а книги остались.

Сын тоже много читал. А вот внука старшего до четвертого класса приходилось понуждать: он любил слушать, а сам читать не хотел. Только сейчас увлекся книгами. У ребят теперь другое увлечение – компьютеры. Это и полезно, и вредно. Я считаю, что никакой компьютер, а также телевизор заменить чтение не могут. Но в нашу эпоху надо со всем этим уметь ладить. Радует, что младший внук – книголюб. Читает книги запоем.

В школу я пошел через два года после войны. В это время это была семилетка с отдельным обучением. У нас учились одни мальчики. Девочки занимались в соседней школе. Семилетнее образование тогда было обязательным. Позднее школа стала десятилеткой с совместным обучением.

Школа у нас была необычная. Говорят, что она построена по проекту Надежды Константиновны Крупской. Таких только две в Москве. Все остальные школы строились в виде пятиэтажных коробочек без лифта. Скученность в них была большая. Наша школа не была многоэтажной – только три этажа. Такие школы называли «самолетик». В ней было два крыла и

центр, где находился полукруглый актовый зал и большой, тоже полукруглый, спортивный зал. В одном крыле занимались младшие классы, в другом – старшие. Очень удобная школа. Мы ее любили и до сих пор вспоминаем с удовольствием.

Это было тяжелое голодное время. Помню, Слава Чикин, приехавший в Москву из деревни, пришел к нам в класс в лаптях. На завтрак в большую перемену в класс вносили картонную коробку, в которой для каждого из 40 учеников лежали один бублик и две конфеты «подушечки».

Старостой класса был Толя Норкин. Ему было, наверное, лет 16–17. Он жил где-то в эвакуации и там не учился, вот и пошел в таком возрасте во второй класс. Отца у него не было – погиб на фронте. Чтобы помочь матери, Толя по ночам работал в котельной, а утром приходил в школу в ватнике, всегда садился на последнюю парту и очень помогал учительнице в наведении порядка. Когда мы окончили четвертый класс, он женился и ушел от нас в школу рабочей молодежи.

Школа через собес и родительский комитет делала все возможное, чтобы помочь особенно нуждающимся ребятам. Я думаю, что с нынешней системой образования и порядками в школе мы не смогли бы стать страной сплошной грамотности, и не было бы такого количества людей с высшим и специальным образованием, как в советское время.

Расположена школа была в районе Окружной железной дороги недалеко от Щербаковской улицы, там, где много фабрик, авиационные заводы, текстильные предприятия. Это густонаселенный промышленный район.

Я просыпался утром по заводским гудкам: вот 45-й гудит, а это завод Лепсе, это Электрозавод, это фабрика «Красная заря». У всех гудков были разные голоса, и с семи утра они начинали гудеть.

В школе училось много шпаны. Кашин любил прицепить корыто к трамваю и по Щербаковской улице ехать в этом корыте за трамваем. Отличился он тем, что на спор в метро на станции «Семеновская» спустился в корыте по эскалатору. Позже его посадили за бандитизм. Часть ребят попала на воровстве. Район у нас был «боевой» – Благуша, Измайлово, Черкизово.

В послевоенное время развелось много бандитов, потому у нас в доме всегда были собаки. Вечерами я ходил встречать сестру из школы со здоровенным псом Мишкой – ездовой камчатской лайкой. Привезла ее моя тетушка-геолог, которая работала в Институте курортологии и ездила по стране открывать разные целебные источники. Вот она-то и привезла щенка с Камчатки. Собака жила у нас за сторожа, так как место наше было вроде не городское.

Меня хулиганье не трогало. Был у нас вор – главарь всей школьной шпаны. Он мне как-то сказал: «Я вот придушить тебя могу, но не трогаю почему-то».

Уважали меня, может быть, за справедливость, непредвзятость по отношению к ребятам. Я всю жизнь стараюсь понять человека. Считаю, что нет плохих людей. Стараюсь поставить себя на место другого и понять, почему он совершил тот или иной поступок. Конечно, я не говорю о деградированных личностях, о бандитах и убийцах. Я имею в виду обычных людей. Когда стараешься понять поведение человека, это очень помогает в работе. В каждом поступке есть свои корни и причины: воспитание, образование, национальные особенности, положение в семье, в обществе, предрасположенность. Один вспыльчив, другой замкнут, третьему разрядиться нужно путем ссоры.

А может быть, потому, что я помогал многим ребятам учиться.

В шестом классе я вступил в комсомол, в седьмом меня избрали секретарем комсомольской организации школы, которая состояла всего из трех человек.

Озорничал я редко. Правда, в парке перегораживали аллею ниткой в нескольких местах. Идет парочка – раз порвет, два порвет и в третий раз ждет подвоха: все ощупывает, хотя ниточки уже нет.

Вообще-то я был спокойным, уравновешенным. Старался всем помочь, не издевался над слабаками и, что особенно ценилось одноклассниками, всегда давал списывать; однако, когда мне делали пакости, не прощал. В драках иногда участвовал. А тогда были такие правила: биться до первой крови.

Читал я много и старался делиться прочитанным. Ребята в большинстве своем из сложных семей, знаний у них было маловато. Помню, в шестом классе прочел «Занимательную астрономию» Воронцова. Вот меня и водили из класса в класс, и я рассказывал о созвездиях. Особенно всех заинтересовал наш астрономический адрес: «Галактика. Солнечная система. Земля, СССР, Москва». Любил очень созвездия рисовать.

В то время очень увлекался туризмом и с пятого класса ходил в походы. Поддерживал меня учитель физики – он тоже любил путешествовать. Занимался в клубе горного туризма на станции юннатов недалеко от Мазутного проезда, ездил туда на трамвае из Измайлова. В 16 лет получил удостоверение инструктора по туризму, а летом мне предложили поработать в детском городке Измайловского парка. Там был создан детско-юношеский клуб, я значился его директором.

Большинство ребят в ту пору уезжали в пионерские лагеря или к родственникам в деревню. В городе оставались в основном дети из неблагополучных семей. Возраст моих подопечных был самый трудный: от 12 до 17 лет. Один из мальчишек состоял на учете в отделении милиции, так как чуть не зарубил отца топором: пьяный отец бил мать, сын бросился ее защищать и поранил негодяя.

Гена был просто веселый хулиган. Его поставили на учет в милиции из-за того, что во время празднования Пасхи он залез на крышу сарая, завернул в бумагу свернутую киноплёнку, поджег ее и бросил в толпу верующих – «дымовую завесу». Милиция стянула его с крыши. Он орал, что не хулиган, а атеист. Были ребята, которые состояли на учете в милиции за мелкие кражи, за драки. И вот таких разных подростков надо было объединить делом. Я предложил отправиться в турпоход. Ребята загорелись.

К походу мы готовились тщательно: ставили палатки, разжигали костры в любую погоду, готовили на них еду. Ездили в городской клуб, учились перечерчивать схемы, читали отчеты других групп о походах, спорили, куда идти. Выбрали два маршрута: Мещера, куда я сам когда-то ходил, и Приокско-Террасный заповедник.

Отправились сначала на Мещеру. Доехали до Владимира поездом, от него до станции Тума, оттуда по узкоколейке до села Ольгина, далее пешком до реки Пра.

Во Владимире с нами произошла интересная история. Город готовился к какому-то юбилею, всюду шли приготовления, съемки. Наша группа выглядела очень живописной, и местные кинооператоры попросили, чтобы мы сели на обрыве над Клязьмой на фоне соборов, и сделали съемки. Когда мы вернулись из похода, наши родственники рассказывали, что в передаче по телевидению о юбилее города Владимира нас показывали с таким текстом: «Хороши владимирские ребята!» Мальчишки, конечно, были очень горды этим.

Мы прошли все есенинские места. В Солотче встретились с теткой Есенина Татьяной. Там же жил в это время и автор книги «Дикая собака Динго» Илья Фраерман. Это был уже совершенно старый человек. Мы пришли к нему, но поговорить не удалось, посмотрели на него, как на живую реликвию. Из Солотчи пешком прошли до Рязани. Осмотрели город, его достопримечательности. Оттуда на пароходе «Пестель» – последнем колесном пароходе выпуска начала прошлого века – вернулись домой. Ехали третьим классом рядом с «ученой» коровой, которая мычала, когда ей нужно было справить нужду.

В этом походе ребята закалились, научились поддерживать друг друга, да и физически окрепли. Время было такое, что нужно было все нести с собой, потому что купить продукты в тех местах было трудно. В лучшем случае – хлеб, да и то его привозили не каждый день.

Поэтому тащили на себе и сухари, и растительное масло, и консервы плюс палатки, одежду – словом, все на себе.

Были и курьезы. Гена-атеист (за ним так и закрепилось это прозвище) заснул, когда мы ехали по узкоколейке. Он сидел, свесив ноги, и где-то на повороте вывалился и упал. А вагон узкоколейки широкий, колеса от бортов далеко, поэтому он не пострадал, тем более что поезд двигался черепашим шагом. Поэтому Гена не стал сразу бежать за поездом, а вначале нарвал цветов для девочек и, догнав поезд, торжественно их одарил.

В пути я использовал всякую удобную возможность, чтобы побольше рассказать ребятам о Паустовском и Есенине. Паустовского я очень любил и много его читал. С творчеством же Есенина познакомился только в девятом классе – именно тогда у нас появились первые томики стихов поэта. Кроме того, мой старший двоюродный брат кончал филологическое отделение педагогического института и просвещал меня, много рассказывая о поэтах, в том числе и о Есенине.

Ребята слушали, затаив дыхание. Для большинства из них это были совершенно новые, не известные ранее страницы литературы. Рассказывал я и содержание книг Фраермана, которые тоже в свое время прочитал.

Питались мы и подножным кормом: ловили рыбу в реке Пра. Не всегда, правда, это было по-честному, так как иногда мы, увы, забирались в верши, которые местные жители ставили на карасей.

Второй поход был в Приокско-Тerrasный заповедник. Посмотрели на зубров, побывали в заповеднике.

Поход по Мещере оставил, конечно, наибольшее впечатление. Длился он около месяца, мы проделали путь в 308 километров, из них основное время, не считая дороги от Москвы до Владимира и от Рязани до Москвы, шли пешком. Второй поход прошел уже легко.

...Спортом я занимался в школе мало и неохотно. Бегал на лыжах – любимый вид спорта в Измайлове, но больших успехов не достиг: лишь третий разряд. Думаю, потому, что человек я не азартный. Такой же разряд был у меня и по пулевой стрельбе из малокалиберной винтовки. Летом два сезона занимался греблей на «шестерке». Я был левым загребным на большой морской шлюпке ял. Один раз мы даже заняли четвертое место по Москве. Правда, и участвовали в соревнованиях всего четыре шлюпки! Ездил заниматься греблей в Хлебниково и на Измайловский пруд.

В школе увлекался историей. Учительница истории, она же секретарь парторганизации, преподавала свой предмет не формально, давала знаний значительно больше школьной программы, и марксизм в какой-то мере был заложен ею в основу моих знаний. Мы знали, чем Ленин отличался от Троцкого, знали про Каутского и про Плеханова. Она рекомендовала нам, какие книги стоило прочитать. Так что историю мы не просто заучивали.

Преподаватель физики был совсем другим человеком. Правда, поговаривали, что он не знает физику и что у него даже нет высшего образования. Да и когда ему было учиться – Михаил Борисович Бергман, поволжский немец, всю войну сидел на Колыме! Но он учил нас жизни. На заводе у шефов Михаил Борисович выпросил для нас семь настоящих станков и учил нас на них работать. В седьмом классе я уже прилично освоил токарный и сверлильный станки. У нас была и прекрасная лаборатория – тоже за счет шефов. Где просил он, где «добывали» мы сами.

Михаил Борисович водил нас в туристические походы, прививал умение жить на природе, преодолевать трудности. Просто учил жить. Собираемся мы, например, в поход. Денег ни на дорогу, ни на что иное – нет. Он составлял списки на 40 человек, получал за счет денег РОНО или Дома пионеров продукты на 40 человек, а потом говорил: «Вот, ребята, вам по банке сгущенки, по килограмму песка сахарного. Отнесите домой и продайте. А на вырученные деньги купим билеты и поедем по железной дороге». Родители с пониманием относились

к таким покупкам. На вырученные деньги группа выезжала в составе 20–25 человек. Плохо это было? Может быть. Но других возможностей обеспечить поездки не было. Исхитрялись по-разному, но он учил нас реальной жизни. Спасибо ему за это!

Мы благодаря Михаилу Борисовичу каждую весну в актовом зале проводили великолепные выставки технического творчества, потому что были станки, были материалы. Все школьники, начиная с четвероклассников и кончая старшеклассниками, стремились принять в ней участие.

Потом Михаила Борисовича сменил другой преподаватель физики. Это был квалифицированный педагог, но мы его не восприняли совершенно. Для него стало мучением работать с нами.

С огромной благодарностью вспоминаю своих учителей. Полину Абрамовну Хромченко, классного руководителя, учителя истории. Когда мы окончили школу, ей было только 36 лет, а нам она тогда казалась «в возрасте». Вспоминаю Евгению Федоровну, которая географию преподавала, Веру Ивановну – она вела литературу.

...Друзей школьных у меня осталось много. На первых порах после окончания школы лет двадцать мы прочно поддерживали связь. Каждый год 1 сентября приходили в школу и выстраивались вместе со всеми учащимися. Когда было двадцатилетие окончания школы, нас в классе собралось уже только 12 человек. Мы повесили плакат: «Выпуск 1957 года». Какая-то девчонка открыла дверь, прочитала и воскликнула: «Ой, а я тогда еще не родилась!»

Печально, но судьба распорядилась так, что некоторые друзья ушли из жизни еще молодыми. К сожалению, умер наш главный организатор Слава Пастушков. Теперь только по юбилейным датам собираемся.

С некоторыми разошлись по другим поводам. Был и случай предательства. В школе я крепко дружил с Володией Кравцом. Но после 1991 года – как отрезало. Мы с ним встретились на похоронах Славы Пастушкова. Слава работал на АЗЛК, его там хорошо знали. Много собралось людей с завода. Он всю жизнь трудился в автомобильной промышленности. Пришли и из Автомеханического института, и из Автоэкспорта, где он несколько лет проработал.

Пришел и Володя Кравец. Столкнулись мы с ним в дверях. Он посмотрел на меня, как на призрак, как на воскресшего из мертвых. Может быть, он думал, что я сидел вместе с членами ГКЧП или еще что-то – не знаю. Словом, сделал вид, что меня не узнал, «не увидел». Весь побелел и проскочил мимо. Через несколько месяцев он позвонил и извинился.

...Воспоминания идут по кругу. В школе я, конечно, влюблялся. Меня, честно говоря, больше любили мамы, чем предметы моего внимания – их дочери. Застенчивостью я никогда не отличался. Был сдержанным, контактным. Словом, положительный человек, на их взгляд. Особым чувством юмора не отличался, соло никогда не пел, рисованием не увлекался.

...Моя будущая жена и я учились вместе в десятом классе. Она переехала к нам из другого района. Как-то в августе в школе стою я со своим приятелем Славой Пастушковым и читаю список: «Смотри, какую-то Юдину к нам в список класса включили». А Тамара стояла рядом и все слышала.

Так вот, Тамара на меня особого внимания не обратила, но мы и после окончания школы довольно часто встречались, сначала – у ее подруги Маши Орловой. Доставал им билеты в кино, помню, как-то на фильм «ЧП» ходили. Потом стали чаще встречаться уже вдвоем. Я приглашал ее в нашу институтскую компанию. Она училась в педагогическом институте, но на всех мероприятиях и вечерах бывала у нас и на демонстрации тоже ходила с нами. Помогала мне с английским, когда я «зашивался», иногда даже с черчением. Кончилось тем, что через три года мы поженились.

Она вошла в нашу семью в нелегкое время. Через полгода умерла моя мама. Еще через полгода у Тамары умер отец.

Жили вначале с моим отцом и младшей сестрой (старшие сестры к тому времени вышли замуж и разъехались) в том старом доме: у нас по полу было девять квадратных метров, а по потолку – шесть. Удобства во дворе, газ в баллонах. Правда, водопровод сами провели. Печь. Дровяное отопление. Утром больше 13 градусов температура в комнате не поднималась. Много позже стали жить самостоятельно.

В нашей семье Тамару приняли не сразу. Отношения складывались непросто, особенно с младшей сестрой, которая меня очень любила. Ей было тогда 17 лет – максималистка. А вот с годами у нее отношения с Тамарой наладились, стали очень хорошими.

Когда я кончал институт, у нас уже был ребенок. Я как раз находился на сборах в Таманской дивизии. Оставалось три дня до конца сборов. И тут приезжает на мотоцикле наш лейтенант Олег Горбик, отдает мне, рядовому, честь и вручает телеграмму, сообщающую о рождении сына. Я сел к нему на мотоцикл, и мы поехали к командиру батальона домой. Тот написал распоряжение в каптерку, чтобы мне выдали гражданскую одежду. Я сдал военное обмундирование и отправился домой, в Москву – к жене и сыну!

Имя мальчику выбрали не сразу. Неделю его звали Сергеем, потому что Тамариного отца так звали, и она хотела дать сыну это имя. А мне очень нравилось имя Дмитрий. В конце концов победило мое предложение, тем более доводы были убедительны: если назвать Сергеем, то другой дед обидится. Зато теперь у нас внук Сережа. Причем внук родился в тот же день, что и Тамарин отец – 15 октября.

Секрет вечной молодости

«Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым...» Мне нравилась эта песня, и я с удовольствием подпевал. А сейчас думаю: это преувеличение. Секрета вечной молодости нет, и с комсомолом в определенном возрасте необходимо распрощаться.

Но я любил это время – комсомольское. Веселое, хотя и голодное, целеустремленное. Все было ясно и четко. Функционером я стал в институте, не стремясь, однако, к этому. Но, как писал поэт, «делаю карьеру тем, что не делаю ее».

Когда я окончил школу, передо мной встал вопрос, куда пойти учиться. Была, конечно, тяга к работе с людьми, с ребятами, но тянуло и к технике, что и победило в конечном счете. Я решил поступать в Московский институт инженеров транспорта – МИИТ, а не в педагогический, как мне советовали учителя, так как резонно сам себе доказал, что работать с людьми можно и не имея педагогического образования.

При поступлении в институт я «провалился». У меня была серебряная медаль, и по тогдашним правилам я поступал на льготных условиях: мне надо было сдать всего два экзамена. Накануне в институте я познакомился с таким же абитуриентом, как и я, – парнем из Химок. Мы подружились и в разговорах выяснили, что он хорошо знает алгебру, а я – геометрию. Когда сдавали первый экзамен по математике, договорились, что сядем в разных местах, и я буду делать для него задачу по геометрии, а он мне – по алгебре, хотя большой необходимости в этом не было. Просто решили подстраховаться – в основном по молодости, по глупости.

Когда стали проверять наши работы, оказалось, что у нас одинаковые ошибки. Разбиться не стали, обоим поставили по двойке и выгнали. Дальше к экзаменам не допустили.

Хорошо, что эти экзамены мы сдавали немного раньше, и я смог перенести мои документы в Автомеханический институт, но уже на вечернее отделение. Туда я поступил, но уже без «экспериментов», и тут же оформился в школу № 419 старшим пионервожатым. Этот 1957 год и стал началом моей трудовой деятельности.

Год я проработал в школе и понял, что это не для меня. Маленьких я просто боялся, вначале на переменах даже запирался от них в пионерской комнате. Правда, постепенно боязнь прошла: «помогла» мне эпидемия гриппа – многие учителя заболели, и мне пришлось вести даже занятия в младших классах. Но этот год в школе убедил меня, что я больше тянусь к работе с взрослыми, а не с детьми. Это был хороший практический урок для меня.

Через год, отлично сдав зимнюю и весеннюю сессию в институте, я перешел на дневное отделение. Там меня сразу избрали секретарем факультетской комсомольской организации, поскольку за мной уже тянулся шлейф «комсомольского вожака» – я был секретарем комсомольской организации в школе, а в девятом классе меня избрали даже членом городского комитета ВЛКСМ.

Я помню, как меня, тогдашнего девятиклассника, поразил стоящий у входа в горком ВЛКСМ часовой с винтовкой со штыком и требовал пропуск.

И на комсомольской городской конференции в нынешнем Театре эстрады, что в Доме на набережной (там тогда находился Дом культуры Совета Министров), тоже у входа офицеры КГБ проверяли документы. Все это хотя и поднимало чувство ответственности, но и вызывало некоторое недоумение.

Итак, в институте я стал возглавлять факультетскую организацию. Факультет был ведущий – автотракторный, училось на нем около 800 человек, из них комсомольцев – около 600. Было много членов партии, пришедших с производства.

В 1959 году меня избрали уже освобожденным секретарем комитета комсомола института, и я стал совмещать работу с учебой. В 1960 году вступил в партию.

Комсомольская работа в институте оставила самые светлые воспоминания. Потом, когда я работал уже в горкоме комсомола, а было это через пять лет после окончания вуза, приходили ребята из моего института, расспрашивали, как мы работали, что делали – просили поделиться опытом. Действительно, хорошая память осталась от комсомольской организации того времени. Мы старались заниматься живым делом. Это с Тяжельниковым комсомол был заформализован: Ленинские уроки, Ленинский зачет. Он методику учебной работы в вузе перенес на работу молодежной организации.

Я же был воспитан на комсомоле Сергея Павлова, которого, может быть, и правильно, ругают за некоторые излишества в приеме иностранных делегаций, но при нем и Борисе Пастухове была настоящая, живая комсомольская работа. Мы проводили слеты, форумы, походы; формы работы были молодежные, интересные, и молодежь тянулась к комсомолу.

У меня есть фотография комсомольского оперативного отряда – все в одинаковой форме. Сложно, конечно, было пробить деньги, чтобы купить всем одинаковую форму. Собирались в эти отряды не самые дисциплинированные ребята, подчас – самые отчаянные, но становились самыми дисциплинированными. Потом многие из них пополнили ряды наших юристов и милиции.

Так чем же мы занимались в институте? Создали свой творческий коллектив. Гордились вузовским самодеятельным театром. Какие проходили интересные постановки, капустники, вечера! В них было занято много студентов. Валера Боровицкий, заядлый любитель эстрады, постановок, писал свои песни. Часть ребят пошла потом не по технической специальности.

Много внимания уделяли мы и техническому творчеству. Район промышленный, вокруг много плохо обустроенных предприятий: с отсталой механизацией, изношенным оборудованием – это ведь конец 50-х – начало 60-х годов. Вот мы и создали по инициативе комсомола студенческое конструкторское бюро, которое вовлекало студентов в оказание помощи этим заводам – механизировать процессы на пищекомбинате, на ряде маленьких заводов, даже производили электроустановочное оборудование. Студенты занимались в этом бюро с большим энтузиазмом. Были случаи, когда приборы, которые ребята изобретали и делали в конструкторском бюро для заводов, засчитывались им как курсовые проекты, а некоторые и как дипломные работы. Нас очень поддерживал ректор Андрей Яковлевич Синецкий, помогал и партком.

Потом, начиная с четвертого курса, поддерживали почин МГУ об отправке студенческих отрядов на целину, и одними из первых послали строительный отряд для работы в Казахстане.

Популярностью пользовались диспуты. Ведь наступала «оттепель» 60-х годов!

Комсомольцы очень старались не отставать от жизни, быть в курсе всего нового. Приглашали выступать в институте Евгения Евтушенко, Булата Окуджаву. Комсомол меньше занимался вопросами учебы (для этого есть деканат!), а основное внимание уделял проблемам организации свободного времени. И, надо сказать, все те, кто участвовал в диспутах, конструкторском бюро, в самодеятельности, хорошо учились.

Сейчас, говоря о комсомоле, уверяют, что он «засушивал» людей, был несамостоятельной организацией, вмешивался в личную жизнь и прочее. Я бы этого не сказал. Помогали людям? Да. Если и вмешивались в личную жизнь, то обоснованно.

У нас была очень хорошая газета, большая, во всю стену, рисованная. Ее главным редактором был Саша Вельш. Я вспомню только одну заметку: «Нельзя смотреть на дело розово, коль это дело про Березова». А дело было в следующем. Был у нас студент Березов, у которого брат сидел в тюрьме за что-то: то ли за кражу, то ли за хулиганство. И вот комсомолец Березов писал брату письма такого содержания, которое не только не помогало тому вернуться на путь истинный, а скорее – наоборот. В лагере, конечно, была цензура, которая собрала все эти письма и прислала с сопроводительным письмом ректору института. Вот этим и занялся комсомол.

Другой случай. У нас учился сын министра финансов. Его отпрыск вел себя нагло: учился плохо, грубил преподавателям, с ребятами вел себя недружелюбно и все время прикрывался папой. Никакие увещания на него не действовали! И тогда мы выдвинули ультиматум: или он сам уходит из института, или мы его исключаем из комсомола. На меня (видимо, с подачи папы) нажимали, чтобы я смягчил свою позицию. Но это была позиция всего коллектива! Сынок ушел из института. Таков был авторитет комсомола, его комитета.

Был случай, когда одному парню, мастеру спорта, собиравшемуся ехать на соревнования, комсомол не дал положительную характеристику, так как его уличили в подделке документов о том, что он якобы сдал экзамены. Вот такого рода «вмешательства в личную жизнь» действительно были. Других не знаю.

Всякое бывало. Ребята из нашего общежития дружили с девушками из Алексеевского студенческого городка. Выпили на какой-то праздник, поехали к девушкам. Пришли в общежитие и, пока вахтерша уходила, чтобы позвать девчат, вынули из деревянной рамы большое зеркало, которое стояло там, вызвали такси, привезли зеркало к нашему общежитию, по пожарной лестнице (!) залезли с ним на четвертый этаж, поставили в туалет и пошли спать.

Утром появилась милиция. Квалифицировали этот случай как хулиганский поступок, написали письмо в комсомольскую организацию института, чтобы мы приняли меры. Комитет комсомола решил придать этому делу широкую огласку и посмеяться над ребятами – это оказалось самым действенным наказанием проказникам, а другим – предостережением. Зеркало они, конечно, вернули и сами вставили в раму.

Комитет комсомола принимал участие в распределении стипендий, которых было довольно мало. Мы исходили из того, что стипендия дается не только в целях поощрения, но и для того, чтобы человек мог учиться. Поэтому стипендию могли дать и троечнику, если видели, что он старается и у него тяжелое материальное положение.

Комитет комсомола организовывал и подработку: мы разгружали вагоны с цементом и магнезитом на станции Мальчики в Люберцах по субботам и воскресеньям. За это получали деньги.

Таких ребят, которых надо было заставлять учиться, практически не встречал. Были просто не очень подготовленные к учебе в институте, некоторые приехали из сельской местности, где в школах не хватало учителей, или слабо поставлено образование, или здоровье не позволяло, или приходилось много времени уделять подработке. Таким студентам старались всячески помогать.

Сейчас возможности и запросы у ребят другие. Но творчество, туризм, спорт всегда интересовали большинство молодежи. Поэтому до сих пор у нас еще держится авторская песня, и на ее праздники собирается множество людей. Все это нужно возвращать молодым.

Мне, как секретарю комсомольской организации института, надо было во всем подавать пример, но, конечно, не все шло гладко и весело. У нас была военная кафедра, где мы изучали военную технику. Специализация – ремонт и эксплуатация гусеничных и колесных машин. Мы учились их разбирать, собирать, ремонтировать. Параллельно занимались строем, владением стрелковым оружием. Но в основном занятия были по нашему профилю.

После третьего и четвертого курсов выезжали в военные лагеря, проходили стажировку в автомобильном батальоне Таманской дивизии. По окончании учебных сборов сдавали государственный экзамен на знание специальности на уровне среднего специального военного училища. После этого нам присваивалось звание младшего лейтенанта.

Я умел водить все транспортные средства: грузовик, артиллерийские тягачи (легкий, средний, тяжелый). Тяжелые тягачи – огромные: под капот можно было спрятаться вместе с двигателем. Приходилось и бронетранспортеры водить – БТР-150 и БТР-47. Я не могу сказать, что мастерски все это делал, так как на вождение времени отпускалось мало, но на водительские права сдавал.

У меня на сборах произошел случай, который мог закончиться трагически. Я проходил практику на танкодроме на артиллерийском тягаче – мощной машине. Рядом сидел инструктор, а я за рычагами. Мне захотелось показать классное вождение. Когда кончаешь круг на танкодроме, надо просто остановить машину, а я решил развернуться на одном месте – срезать гусеницей землю и остановить машину. Намеревался это сделать «мастерски» и сильно перетянул рычаг, не зная, что если перетянуть рычаг, то заклинивает фрикцион. В результате машина развернулась не на 180 градусов, а под углом 90 градусов и пошла на пригорок, где стояли наш майор и остальные слушатели.

Я не мог справиться с управлением, и сержант, который сидел рядом со мной, тоже растерялся. Надо было заглушить двигатель, раз заклинило фрикцион, а мы пытались развернуть машину. Ребята разбежались, а майор сидел на мотоцикле, и гусеница тягача прошла где-то в пяти сантиметрах от него. Тягач залез на бугор, и только тогда мы с сержантом догадались выключить двигатель.

Майор, конечно, перепугался, наорал на меня, но нигде дальше докладывать не стал: видимо, побоялся, что его самого обвинят в том, что он недостаточно хорошо нас обучил.

Все ребята рассматривали эти занятия как необходимые и полезные и понимали, что в жизни все это может пригодиться, в том числе и на гражданке. Были и случаи озорства. Ну как же так – быть в армии и не убежать в самоволку? Взамен получали гауптвахту. Были любимые офицеры и нелюбимые. Учился у нас парень, который не хотел служить по религиозным убеждениям. Он вступил в какую-то секту и института так и не закончил.

Была у нас спортивная кафедра и обязательные спортивные занятия. Как я уже писал, особой тяги у меня к спорту не наблюдалось. И болельщиком никогда не был. Правда, когда купили в кредит первый телевизор в 1967 году, то болел за наших спортсменов на международных встречах по хоккею, фигурному катанию и лыжам у экрана телевизора.

На футболе я был всего один раз на уникальном матче, когда в финал вышли команды из Донецка и из Орехово-Зуева, то есть абсолютно неизвестные команды. Но меня больше устраивает смотреть соревнования по телевизору. Я думаю, люди ходят на спортивные соревнования, чтобы быть причастными к игрокам, как бы участвовать в соревнованиях. Но, по моему, наблюдать соревнования удобнее по телевизору – там все покажут и расскажут. Правда, эффекта соучастия нет.

...Это особенно ярко чувствовал, когда получал приглашения на Красную площадь во время парадов. У меня небольшой рост, и смотреть там парады мне было не очень удобно. Но сам момент присутствия на площади порождал эффект соучастия в происходящем, тем более что дополнялся общением с присутствующими людьми...

Меня иногда спрашивают: «А как питались в ту пору студенты?» Питание в ту пору не очень дорого стоило. Если взять цены до 1961 года, то есть до проведения Хрущевым денационации денег, то обед стоил 3 рубля (после денационации – 30 копеек). В меню входили щи пустые, котлета с макаронами или гречневой кашей плюс кусочек соленого огурца, хлеба – сколько хочешь, и стакан сладкого чая – вот что было в студенческой столовой по талончику. И все мы питались одинаково. Пища была вкусной и полезной.

Правда, тогда проблем с экологией, которые существуют теперь во многих крупных городах, не было. Автотранспорта на улицах – в 5–6 раз меньше, вокруг Москвы существовала более обширная зеленая зона, потому и продукты были экологически чистыми.

Стрессы, конечно, случались, но не такие, как сейчас. Было прекрасное чувство уверенности в будущем, в том, что каждый последующий год станет лучше предыдущего. И это в принципе оправдывалось.

Я планировал так: кончаю институт, иду работать на производство. Правда, уже тогда я чувствовал свои наклонности к занятиям общественной деятельностью, но понимал, что заниматься этим, не пройдя производственной школы, было бы неправильно. И до сих пор так счи-

таю. Беда многих наших партийных работников в том, что они сразу со студенческой скамьи вошли в большую общественную жизнь.

У меня получился такой же путь с меньшими потерями, может быть, потому, что жизнь моя была достаточно суровая, приходилось подрабатывать, и многое я видел не со школьной или студенческой скамьи. Жизненная закалка в какой-то мере способствовала моему переходу на партийную работу.

Еще до защиты диплома в институте – в апреле 1962 года – меня вызвали в райком комсомола и предложили пойти работать инструктором в отдел пропаганды и агитации. Я объяснил, что в этом месяце у меня преддипломная практика и после нее сразу же в июне предстоит защищать диплом. Меня дважды вызывали, уговаривали, я дважды отказывался. Даже грозили исключением из комсомола. Я отвечал, что я уже член партии и подчиняюсь только партийным решениям.

Тогда меня вызвали в райком партии. У нас был очень хороший секретарь райкома. Получилось так, что я пришел к нему на прием, а его вызвали куда-то. Он говорит: «Садись со мной в машину, там поговорим по дороге». Он повторил мне предложение пойти на работу в райком комсомола. На все мои возражения, что я хочу поработать на производстве, он продолжал настойчиво рекомендовать все-таки пойти на работу в райком.

На следующий день меня вновь вызывают в райком комсомола – я снова отказываюсь. Секретарь райкома крайне удивлен: «Ведь тебе же секретарь райкома партии сказал, что нужно идти на работу к нам!» Я отвечаю: «Он мне только рекомендовал». И тогда мне популярно объяснили, что если секретарь райкома партии рекомендует, это надо понимать, что он тебя обязывает. «А если вы не понимаете, – перейдя на официальный тон, сказали мне, – тогда мы пригласим вас на бюро и там обяжем». Дальше пререкаться было бессмысленно.

Мне дали закончить преддипломную практику, и с конца апреля я приступил к работе в райкоме комсомола. По ночам работал над проектом. В июне 1962 года я в срок защитился с отличием, а в июле меня избрали секретарем райкома комсомола. Мне исполнилось тогда 23 года.

Наша комсомольская районная организация была самой крупной в стране. Район захватывал большую территорию от Московской кольцевой дороги до Земляного Вала. Туда входили такие крупные вузы, как МВТУ им. Баумана, МИХМ, Институт инженеров землеустройства, Институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии, Московский автомеханический институт. Кроме того, огромное количество НИИ оборонного профиля и много промышленных предприятий. Всего в районе была 71 тысяча комсомольцев – больше, чем во многих областных организациях страны.

Тогда строили работу с молодежью с учетом возраста, эмоционального настроения, устремлений. Было очень много фестивалей молодежи, спортивных праздников, туристических слетов, походов по местам боевой славы. Широко развивалось техническое творчество, но не на коммерческой основе, как это стало в наше время. Была живая интересная работа, в которой пригодились и мои прежние организационные навыки и жизненный опыт.

Именно в то время стали организовывать оперативные комсомольские отряды охраны общественного порядка. Мы вовлекали туда много неблагополучных ребят, имевших срывы.

Естественно, осуществлялись мероприятия, имевшие практическое значение для организации работы в вузах – это участие в учебных комиссиях, конкурсах, слетах – и работы на заводах, где мы одни из первых стали проводить конкурсы среди молодежи: «Лучший по профессии» – лучший токарь, лучший фрезеровщик, лучшая ткачиха. Проведение этих конкурсов, их итоги широко освещались в печати, на заводах вывешивались портреты победителей. Создавались комсомольско-молодежные бригады на трудных участках производства.

Большинство московских райкомов комсомола ютились в ту пору в плохих помещениях. Мы, например, сидели на Малой Семеновской улице в деревянном покосившемся здании, где в

полуподвале размещалась лаборатория Института автомобильной электротехники, а на втором этаже – райком комсомола.

Однажды принимаем в комсомол девушку с комбината им. Щербакова. Она входит в комнату бюро и начинает безудержно смеяться. Ее попросили выйти. Заходит и снова не может сдержать смеха. Пропустили всех – человек пятьдесят, опять ее приглашаем и в конце беседы спрашиваем, почему она так смеялась, когда сюда заходила. Она вопросом на вопрос: «А вы знаете, что раньше в этом доме было?» – «Нет, не знаем». – «А раньше здесь была школа для умственно отсталых детей», – говорит она, давась от смеха.

После этого я пошел к секретарю райкома партии, рассказал ему о печальном происшествии, предположив, что не только эта девочка так воспринимает здание, где располагается райком комсомола. Рассказ возымел действие. Через какое-то время нам на Вельяминовской улице дали другое помещение, правда, не намного лучше.

Возникают сейчас иногда разговоры о привилегированном положении комсомольских работников. Заявляю: работники райкомов комсомола Москвы, да и других городов и поселков страны, жили бедно. Зарплата была примерно такой же, как у инженера-выпускника института: первый секретарь получал 120 рублей, второй – 110 рублей. Когда я уходил в горком комсомола, повысили еще на 10 рублей.

Привилегия была одна: меня прикрепили к поликлинике, обслуживающей партийный, советский и комсомольский актив. Я пользовался ею с 1965 по 1985 годы. Она располагалась на Солянке, а раньше – в Большом Комсомольском переулке (ныне Большой Златоустинский). Члены семей пользоваться этой поликлиникой не могли. Только тогда, когда я стал секретарем райкома партии, прикрепили к ней и жену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.